

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Юрий АЛЯНСКИЙ

В СТАРОЙ ленинградской квартире на Петроградской стороне собраны сотни человеческих комедий и драм. В картонных папках — чья-то любовь, грусть, надежды. Письма к друзьям, деловым корреспондентам, женщинам. Посвящения и завещания. Просьбы, мольбы, угрозы, требования, безразличные извещения. Человеческие страсти и сейчас прорываются сквозь полувыветшие строки...

На дверях квартиры — медная табличка: «...охраняется государством». На стеллажах — около трех тысяч рукописей, автографов. Это крупнейшее и ценнейшее собрание рукописей да и редкой книги в нашей стране.

Хозяин собрания, музыкант, известный ленинградский библиофил М. С. Лесман может говорить о своих находках бесконечно. Мой рассказ — лишь прикосновение к некоторым памятникам этих несметных сокровищ.

ЖЕМЧУЖИНА ПУШКИНЫ

Известный собиратель редких изданий Н. Смирнов-Сокольский рассказал в одной из своих книг о том, как издатель А. И. Маслов напечатал в 1908 году в Москве, в типографии А. Поплавского, небольшую книгу под названием «А. С. Пушкин. Стихотворения, не изданные в России». В сборник вошли отрывок из «Гаврильиады», сказка «Царь Никита», «Андрей Шенье» и другие произведения поэта, носящие антиправительственный, недозволенный или «сомнительный» характер. Издатель принял всерьез некоторое послабление в области свободы печати, наметившееся в 1905—1906 годах. И просчитался. Весь тираж книги был немедленно арестован в типографии. Специальное постановление предписывало уничтожить «крамольного Пушкина». Экземпляры книги были разрезаны на части и в таком виде отправлены на бумажную фабрику для переработки.

«Весь тираж до последнего экземпляра попал под нож резальной машины, — пишет Смирнов-Сокольский. — Самому владельцу типографии А. Поплавскому удалось выкрасть буквально единственный экземпляр, и то не в целом, а уже в «порубанном» виде. Этот экземпляр с весьма своеобразным экслибрисом А. Поплавского попал ко мне в библиотеку... Экземпляр — своего рода уника».

В книге Смирнова-Сокольского приводится даже фотография, на которой — порубанный экземпляр, расчлененный машиной на три части.

Хочется исправить содержащуюся в книге неточность: на полке в библиотеке М. С. Лесмана стоит экземпляр этого издания, причем совершенно целый, не успевший попасть под нож.

АРХИВ

АРАКЧЕЕВА

Самая заветная мечта М. С. Лесмана состояла в том, чтобы обнаружить собрание рукописей, которое безуспешно разыскивалось многими людьми в течение десятилетий. Оно где-то существовало, кому-то принадлежало, если, конечно, слепой случай не дал ему погибнуть. А называлось так, что и произнести-то жутко: архив Аракчеева! Да, того самого графа Аракчеева, деятельность которого окрасила целый пери-

од русской истории в мрачные, кровавые тона. Это собрание притягивало к себе интересы крупнейших историков и филологов.

Лесман не забывал, что Аракчеев родился в Новгороде на двухэтажном деревянном доме, построенный, как видно, в незапамятные времена. Здесь жила, как он узнал, одинокая женщина, последний потомок старинной вымершей семьи.

Незванный гость был принят спокойно и вежливо. Хозяйка показала приезжему прекрасное собрание картин, редкие книги, приобретавшиеся членами семьи на протяжении многих десятилетий.

Гость с живейшим интересом рассматривал библиотеку и наконец задал хозяйке вопрос, который все время вертелся у него на языке. Женщина удивленно подняла брови, помолчала. Подумала о чем-то. Вышла из комнаты. И вскоре вернулась, неся тяжелый фолиант, переплетенный в добротную кожу. Гость онемел. А хозяйка выносила один кожаный том за другим. В них оказались... бумаги архива Аракчеева, более 5 тысяч документов и писем — многолетняя переписка с самыми значительными лицами в государстве.

Архив Аракчеева был, разумеется, приобретен собирателем. Предстояла огромная работа по его изучению. Она началась весной 1941 года. Огромные тома писем остались почти неразобранными, когда над Ленинградом застучал метроном и немолодой уже хозяин собрания уехал, взяв с собой вместо лишней пары белья или обуви папки с бесценными рукописями великих русских писателей, художников, композиторов, общественных деятелей. Увести книги и архив Аракчеева он, конечно, не мог.

Когда он вернулся, по комнатам гулял ветер. Стеллажи пустовали. Не стало и знаменитого архива. Он снова, очевидно, пустился в странствия по житейскому морю. А кто знает, может быть, и погиб?

ПОДПИСЬ—

«М. Ц.»

Достаю с полки шкафа небольшой томик стихов. Сборник Марины Цветаевой «Версты», Москва, 1921. Книга, по понятиям библиофилов и букинистов, не такая уж редкая, понадевается. Но раскрываю ее — и захватывает дух. Повсюду на полях — сделанные зелены-

ми чернилами пометки. Что это? Кто так неуважительно портил страницы книги? Присматриваюсь. Почти все маленькие шедевры любовной лирики, собранные в сборнике, прокомментированы. И кем же? Автором!!

Как видно из пометок, Цветаева держала этот экземпляр в руках незадолго до смерти, в 1941 году, и собственноручно раскрыла на полях книги то, что зашифровано в стихах.

Под каждым таким комментарием, под каждым признанием, под дописанными строками — «М. Ц.»...

АЗБУКА

НЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

«Советскую азбуку» Маяковский знает теперь каждый любитель поэзии. Но вот экземпляр первого издания «Азбуки» — литографированные, от руки раскрашенные рисунки, буквы текста. Кто же все это рисовал?

«Советская азбука» написана Маяковским в сентябре 1919 года. Поэт принес «невычищенную» рукопись в издательство и отдал машинистке. Машинистка заявила: «Лучше я потеряю всякую работу, но эту гадость переписывать не буду».

Поэту пришлось приняться за издание самому. Он нарисовал текст и иллюстрации и перерисовал их на литографский камень. Сам и печатал. Потом надо было раскрасить каждый экземпляр от руки. Это сделала Л. Ю. Брик. Забрав папки с «Азбукой», Маяковский и Брик отвезли их в Кремль. Поэт раздавал экземпляры издания курсантам и красноармейцам, уходящим на фронт.

ПИСЬМА,

ПИСЬМА...

Их пока не ведомые миру строки берегли мысли, чувства, заботы, радости и печали удивительных людей. «Милостивый государь Иван Александрович! Сын Ваш поручил мне... Он худеет, кровью харкает, грустит...». Это — из письма Екатерины Трубецкой, жены декабриста, легендарной «некрасовской женщины». Письмо написано из далекого сибирского рудника отцу декабриста Якубовича.

М. В. Остроградский, академик, основатель нашей математической школы, — адмиралу И. Ф. Крузенштерну, директору морского кадетского корпуса: «Я думаю, что к сему курсу (речь идет о преподавании в корпусе физической астрономии. — Ю. А.) небесно бесполезно будет присоединить и исчисление вероятностей...».

Письмо И. И. Мечникова, посланное из Парижа в Москву профессору Н. А. Умнову, редактору журнала «Научное слово»: «Вы не можете себе представить, до чего жизнь здесь суетлива. Целый день приходят посетители со всех концов Земли, так что нет возможности сделать всего, что нужно...» (апрель 1905 г.).

Лев Толстой — А. Ф. Кони: «Благодарю Вас очень за сообщение о том, что дело решилось в Сенате...».

Композитор С. С. Прокофьев — дирижеру Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, народному артисту

Карельской АССР И. Э. Шерману: «Что касается вариации Ромео, то тут ничего сделать нельзя. С Лавровским было договорено, что она кончится на замирании. Более того: вариация безостановочно перейдет в последующую музыку, так что Ромео даже не сможет сорвать аплодисменты: тяжелая судьба для тщеславного танцора...»

Наконец — отрывок из письма русского поэта Игоря Васильевича Северянина. Этот отрывок, как и вышеприведенные строки, владетель собрания любезно предоставил для первой публикации на страницах «Литературной России». Письмо адресовано молодой поэтессе, которая спрашивала маститого поэта, что такое «отличные» стихи. Написано 22 января 1927 года.

«...Вы спрашиваете, что такое «отличные» стихи? В таких стихах полное сочетание темы, вдохновения (в наше время это большая редкость, заметьте), настроения, аллитераций, ритма и проч. Таких стихов, правда, очень мало, и даже у действительного поэта с крупным именем (таких имен, между прочим, среди современ. русских поэтов не более двенадцати) мы не отыщем слишком много «отличных» стихов. Я полагаю, что напр. у Блока, из четырех его книг стихов (говорю об изданиях «Эпохи...») можно найти не более 50-ти (это так!) «отличных» пьес. Зато тем ценнее эти стихи, и именно они-то и должны служить идеальным образцом для всякого, вступающего в поэзию».

...Шли годы. М. С. Лесман восполнил собрание редкой книги, которое сегодня по своему составу может считаться уникальным.

Была собрана драгоценная Лениниана — около сорока изданий трудов В. И. Ленина, вышедших в свет до 1917 года или во всяком случае при жизни Владимира Ильича. Это собрание подарено Лесманом Новосибирской публичной библиотеке. Туда же передано еще одно собрание — около трех тысяч единиц хранения на тему «Русское освободительное и революционное движение». В них представлено несколько эпох русской демократической мысли — от листовки времен Пугачева до редких документов Октября.

Однажды, работая в отделе рукописей Ленинградской публичной библиотеки и просматривая списки фондообразователей (так архивисты называют лиц, чьи собрания материалов легли в основу фондов данного хранилища), Лесман с изумлением обнаружил и свое имя. Он дарил или передавал свои материалы в некоторые другие хранилища, но как раз сюда не отдавал ничего. Он обратился с вопросом к библиографу.

— Да что вы, Моисей Семенич, у нас же давно хранится полученный от вас архив Аракчеева, — ответил дежурный библиограф.

Оказалось, что в конце войны кто-то принес сюда знаменитый архив и продал его... от имени Лесмана.

А бывший владетель этого рукописногоклада был счастлив. Потому что архив Аракчеева попал в руки того хозяина, к которому в конечном счете переходят все по-настоящему ценные собрания и у которого они должны остаться навсегда.

ЛЕНИНГРАД